

УДК 821.161.1

**М.А. Шолохов в художественных исканиях
советских писателей: взгляд из XXI века
(к 110-летию со дня рождения русского классика)**

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,

Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 55;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена роли творчества М.А. Шолохова в становлении, созревании и расцвете многонациональной литературы СССР, ставшей феноменом мировой культуры. В каждой союзной и автономной республике писательский путь к М.А. Шолохову имеет свои специфические черты, определяемые национальным социокультурным содержанием. Вокруг творений русского классика и его художественного космоса возникает широкая зона влияния и творческого взаимодействия, проявляемая в исканиях и открытиях писателей всех национальностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. М.А. Шолохов в художественных исканиях советских писателей: взгляд из XXI века (к 110-летию со дня рождения русского классика) // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 59-79.

Ключевые слова

Художественные искания, творческое взаимодействие, национальное шолоховедение, становление национальных эпопей, аутентичное освоение писателя, социальный роман, нравственный выбор, традиции М. Шолохова.

«Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее, и сделали подлинно интернациональной».

Михаил Шолохов

Введение

С исторической дистанции нового века со всей убедительностью раскрывается величие М.А. Шолохова-художника, сыгравшего важнейшую роль в становлении, созревании и расцвете многонациональной литературы СССР, феномена мировой культуры¹. Более того, шолоховские традиции и сегодня, в новых исторических социокультурных условиях постсоветского периода, продолжают оказывать непреходящее влияние на художественные искания *национальных писателей*. В свое время, начиная с 1930-х годов, существенным фактором их ускоренного развития явилось творческое освоение другими литературами художественных и нравственных принципов русской словесности, убедительно представленной русским Мастером. Сложная проблема традиций эпики Шолохова в советской литературе рассматривается в работах И.И. Ермакова, Л.Ф. Ершова, Е.П. Дрягина, Л.И. Залесской, А.М. Минаковой, П.В. Палиевского, А.И. Хватова и других исследователей. Его миссия великого художника определяется весомым вкладом в *эпическое искусство*, отражающее исторические судьбы народа во всем богатстве человеческих типов и характеров, в полноте социальной и нравственной жизни.

В шолоховских произведениях, переведенных почти на все языки СССР, поэтическое наследие народа соединяется с достижениями реалистического романа XIX и XX вв., открыв новые связи между духовным и материальным, человеком и окружающим миром. В каждой союзной и автономной республике писательский путь к Шолохову имеет свои специфические черты, определяемые национальным социокультурным содержанием. Вокруг творений классика

1 Творчество М.А. Шолохова оказало влияние не только на советскую литературу, но и на литературу западных стран, в частности можно говорить о восприятии и освоении наследия Шолохова в Германии (см.: [Стопченко, 2011]).

и его художественного космоса возникает *широкая зона влияния и творческого взаимодействия*, проявляемая в исканиях и открытиях писателей всех национальностей. Их жанровые и многоуровневые творческие обретения появляются на протяжении *четырёх этапов* советской социокультурной истории: преемственность традиций Шолохова как *контактное влияние и типологическое схождение* различных видов (1930-е); появление *историко-революционных произведений* разных национальных литератур (1940-е); *становление национальных эпосей, формирование социально-психологического романа* (конец 1940-х – конец 1950-х); окончательное образование сферы воздействия творческого мира Шолохова на советский литературный процесс как *идейно-эстетической и художественной системы* (со второй половины 1950-х).

С «Поднятой целины» (1932) начинается глубокое воздействие ее автора на многонациональную советскую литературу, подхваченное тогда же «Тихим Доном»: многоплановость, углубление историзма, возрастание интереса к отдельной личности, усиление психологизма в художественном методе. К 1960-м *шолоховское*, составляя основу типологической общности писателей всех советских литератур, начинает воздействовать как особая традиция, наследуемая в соответствии с их творческой индивидуальностью и с национальным своеобразием воспринимающей литературы. «От Шолохова идут *жизнедеятельные токи* ко всему лучшему, что есть в советской литературе наших дней, не только русской, – правомерно утверждал крупный белорусский писатель Иван Мележ. – Думаю, что среди советских литератур нет ни одной, которая – прежде всего проза – не испытала бы благотворного влияния шолоховского гения» [Мележ, 1975, 176].

Основной причиной, объясняющей истоки быстрого развития литератур, в том числе молодых, является *высвобождение лучших национальных сил*, раскрытие внутренних возможностей, заключенных в неповторимом гении каждого из народов. Эпические писатели воплощают их подлинную историю, социально-историческое бытие в *переломную эпоху героического и трагического крушения старого и рождения нового мира*. Философия истории, унаследованная многонациональной эпопеей от Шолохова, определяет типологическую общность, сложившуюся в литературе советской цивилизации и способствовавшую усилению в ней структурообразующей функции эпиче-

ского. Все советские литературы предстают в роли *одной исторической судьбы* и при всем их национально-культурном и цивилизационном разнообразии связаны близостью художественного опыта, творческого метода и русского языка как средства межнационального общения. Известный билингвизм национальных деятелей культуры (особенно славянских) и советской читательской аудитории содействовал аутентичному освоению Шолохова-художника. Его традиционная проза, соотносимая с наиболее плодотворными явлениями мировой литературы, воспринималась и воспринимается на уровне современных идейно-эстетических проблем и художественных исканий. Наш вывод подтверждается творческой практикой современных национальных писателей бывших советских республик.

Освоение наследия Шолохова в славянских литературах

Славянские украинская и белорусская литературы, давно и прочно связанные с художественным наследием Шолохова, передают свои особенности его глубокого аутентичного освоения в творческой практике, научном и общественном сознании. На протяжении многих десятилетий оно является заметным фактором их успешного развития. Большая обоюдная симпатия русского художника и двух братских народов, проявленная в его творчестве и в восприятии его личности, объясняется *общеславянскими корнями исторически единого народа*. Русский классик пользуется большим вниманием и уважением многих украинских и белорусских писателей разных поколений – М. Стельмаха, А. Корнейчука, П. Загребельного, И. Мележа, И. Шамякина, В. Быкова и многих других, внесших свой весомый вклад в *национальное шолоховедение*. Для них он – Учитель, наставник, образец профессионального мастерства. Полнее всего выражает свое видение роли Шолохова в украинской культуре О. Гончар: «Литература украинская, в частности украинская художественная проза, *очень многим обязана Шолохову*. Для всех наших литераторов Шолохов может служить примером близости к жизни, крепости связей с народом, из глубин которого он черпает и свой прекрасный, чарующий язык и огромные по своей поэтической емкости образы» [Гончар, 1976, 163].

Украинское литературоведение, обратившееся к творчеству русского писателя еще с 1920-х, дает углубленный и разносторонний филологический анализ его художественного мира. Оно отмечает, что *роднит* с ним О. Гончара, М. Стельмаха, Ю. Яновского и др. Так, известный литературовед Л. Новиченко фиксирует воздействие шолоховского опыта на романы «Мать» А. Головки, «Водоворот» Г. Тютюнника, на цикл «сельских» романов М. Стельмаха. Он определяет *шолоховскую традицию* в умении украинских романистов лепить крупные, своеобразные народные характеры, в осознании права писателя на изображение нелегких человеческих судеб и их внутреннего мира, однако стельмаховский стиль несет еще и лирическую, песенную окраску [Новиченко, 1985, т. 2, 79]. Шолоховское в романах О. Гончара, М. Стельмаха, А. Головки, Г. Тютюнника и других отмечает украинский литературовед С. Шаховский [Шаховский, 1967].

Творческий опыт русского Мастера играет, благодаря углубленному освоению, важную роль в идейно-эстетических исканиях белорусских писателей. В них сочетаются, закономерно обусловленные пафосом времени, типологические схождения с контактными связями. Филолог И.А. Черота впервые в белорусском шолоховедении исследует *различные уровни* «творческого усвоения и развития опыта, существование шолоховской традиции как окрыляющего примера и катализатора художественного процесса» [Черота, 1975, 228]. Он особо отмечает тот факт, что «велика также роль творческого опыта Шолохова в развитии литературы о Великой Отечественной войне»: «поле притяжения» его чрезвычайно широко и мощно» [Черота, 1996, т. 8, 227, 235]. Ученый выделяет как некий «опознавательный знак» необычность, предельную напряженность, экстремальность ситуации, которыми проверяется герой у В. Быкова и М. Шолохова. Писательские свидетельства и художественная практика передают своеобразие освоения русского гения. Так, И. Мележ, которого сближает с певцом Дона и России тесная связь с «малой родиной», подчеркивает его историческую миссию для развития белорусской литературы: «Шолохов оказал сильное и очень полезное влияние на многих белорусских прозаиков» [Мележ, 1985, т. 9, 476]. По мнению И. Шамякина, «шолоховское творчество – родник мастерства для каждого писателя, живой пример, значение которого

растет с годами²» [Полымя, 1975, 228]. Р. Соболенко ценит *всечеловеческую уникальность* Шолохова: «Он, можно сказать, учитель нашей литературы, и хотя он глубоко национальный, он и наш, белорусский, и *писатель всех народов*» [Звезда, 1965, 44].

Статьи украинских и белорусских писателей, фиксируя многоуровневое приобщение к шолоховскому искусству, дают четкий ориентир для литературоведов, интерес которых к традициям Шолохова становится более масштабным, приводя к формированию в отечественной эстетике национального и интернационального *фонда художественных ценностей*. Так, филолог В.Н. Соболенко анализирует специфику жанра в романах Шолохова, Мележа и других крупных авторов [Соболенко, 1975], а И.А. Варнина сопоставляет приемы изображения персонажей в «Поднятой целине» и «Полесской хронике» И. Мележа [Проблема характера..., 1985]. За прошедшие десятилетия в обеих культурах опубликованы десятки монографий, сотни статей, очерков, эссе, научных докладов, дающих объемную палитру творческой личности Шолохова.

Шолохов-художник как активный фактор культурной жизни в Молдавии

Молдавская литература включается во всесоюзный социокультурный процесс в 1940, что во многом определяет *национальное своеобразие* освоения Шолохова. Его творения, констатирует писатель Андрей Лупан, «проникли в сознание как активный фактор культурной жизни, озаряющий и утверждающий ценности человека и нового мира; молдавские читатели с самого начала включили их в золотой фонд своего чтения» [Лупан, 1975, 118]. В своих эстетических исканиях, стремясь отразить масштабные социально-исторические события и рождение нового общественного сознания, многие молдавские литераторы опираются на них как на *завоевание мирового искусства*. Проза Шолохова становится в очередной раз на иной национально-культурной почве своеобразным *философско-эстетическим ключом*. Его ценный художественный опыт притягателен для писателей Е. Букова, И. Друцэ, И. Чобану, Дж. Ме-

2 Курсив мой. – Н.С.

нюк, Б. Истру, А. Лупана, Л. Доляну и др. В частности, получают эпическое и социально-историческое звучание романы «Кодры» И. Чобану, «Дорога тополей» А. Лупана, «Люди и судьбы» А. Шаларь, «Ветер в лицо» и «Где твои пахари, земля?» А. Лупан. С шолоховским «присутствием» в романе «Бремя нашей доброты» И. Друцэ повествует историю маленькой молдавской деревушки за четыре десятилетия и раскрывает мастерскими приемами национальный характер. Он сосредоточен преимущественно на поэтическом внутреннем мире своих персонажей, образуя некий сплав поэтики народных сказаний с современным проблемным содержанием. Поэты Ем. Буков, Б. Истру, Г. Менюк отражают идейное воздействие «Поднятой целины» в своих послевоенных поэмах. Литературоведы Н.А. Рудяков, И.А. Дубовицкий, М. Шапиро, Т.П. Прокаева, О.Н. Осмолковский, С. Рыбак и некоторые другие представляют широкое исследовательское поле творческих взаимосвязей молдавских писателей.

Литературы Балтии в орбите шолоховского влияния

Латышская, литовская и эстонская литературы входят в единую многонациональную советскую литературу и в новый социокультурный процесс также в 1940, но знакомство с творческой личностью Шолохова начинается еще в буржуазный период (1930). Тогда в цензурных условиях публикуются на национальных языках первые книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины», находя живой отклик в читательской аудитории, а среди деятелей культуры известный латышский писатель А. Упит первым обращает внимание общественности на русского романиста. Литературная панорама стран Балтии в послевоенный период связана с определенными трудностями восстановления культурной жизни республик, сложными процессами консолидации творческих сил на основе принципов социального реализма, расширением образной системы произведений, тематического и жанрового диапазона, в котором особое место занимает Шолохов-художник. Кардинальные преобразования в духовной жизни вызывают постоянный интерес писателей разных поколений в Балтии. Ими увлечены латыши А. Упит, В. Лацис, А. Саксе, литовцы Й. Авижюс, А. Гутайтис-Гузявичус, А. Венцлова, эстонцы Г. Леберехт, А. Хинт, Р. Сирге и

многие другие. Они посвятили свои произведения важнейшим событиям национальной истории, революции, Великой Отечественной войне, рождению нового сознания в социальной борьбе. А. Упит высоко ценит умение Шолохова индивидуализировать своих героев, создавать типы в системе эпического повествования, передавая их своеобразие через поведение, жест, отличительную интонацию и речь персонажей. Его мастерство изобразительного стиля он рассматривает в непосредственной преемственности традиций русских писателей-классиков «без малейшего намека на какое бы то ни было подражание» [Упит, 1955, 198].

Обе книги «Поднятой целины», по мнению латышского филолога и переводчика В. Мелниса, «помогают ориентироваться в сложном ходе современных событий, освещают путь и определяют позиции в ожесточенной борьбе за будущее человечества» [Melnis, 1965, 101]. Критик фиксирует «правдивость в показе человеческих характеров и исторических процессов как важнейшую черту его творчества» [там же, 104], называя русского художника «глубоким психологом, удивительным мастером портрета, пейзажа и языка, непревзойденным создателем образов огромной обобщающей силы» [там же, 106]. Публицист Я. Грант отмечает его уроки мастерства: «Художественным приемам и литературной технике у Шолохова учились и учатся многие литераторы. Особенно писатели младшего поколения, на которых его искусство оказало плодотворное воздействие. Здесь не идет речь о подражании или эпигонстве как таковых, *воздействие* идет путем использования в литературной работе по-шолоховски выразительных художественных средств, их творческого освоения для создания по-шолоховски сильных характеров и обстоятельств, верных жизненной правде» [Grants, 1965, 121]. Опираясь на русского классика, А. Упит, В. Лацис, А. Саксе, Ж. Грива *утверждают реализм* в разнообразии стилей, жанров и творческих манер. Начатая А. Упитом научная и теоретическая разработка проблемы эпической формы продолжена в трудах В. Мелниса, Я. Гранта и Э. Сокола, оценивших творчество Шолохова как *новаторское* в развитии советской литературы. В. Мелнис высоко ставит и вторую книгу «Поднятой целины»: в ней «меньше внешних событий, зато сила изображения внутреннего мира достигает такой глубины, равноценную которой труд-

но найти во всей мировой литературе» [Melnis, 1961, 22]. К. Краулин назвал рассказ «Судьба человека» основополагающим в создании ряда произведений о Великой Отечественной войне и подвиге простого солдата, считая его началом пути к современному роману [Kraulins, 1969, 55]. В. Мелнис подчеркивает шолоховское умение создавать типы, видеть и отражать тончайшие движения человеческой души, острейшие психологические и политические моменты, *решительную смелость* Шолохова поднимать и решать актуальные проблемы времени. Сопоставляя типологические и творческие подходы латышских писателей А. Саксе, И. Индраке, Р. Куусберга и Г. Приеде к «Поднятой целине», он подчеркивает, что авторы произведений о коллективизации стремятся *ориентироваться* на шолоховский роман [Melnis, 1969, 199-200].

Литовский филолог В. Кубилиус отмечает «тонкую передачу эпической широты шолоховского стиля, его подкупающий лиризм и необузданную стихию народной речи» [Кубилиус, 1979, 158]. Его философско-эстетический опыт и поэтика романа-эпопеи оказывают многообразное влияние на ряд талантливых литовских писателей – Й. Авижюса, П. Куусберга, А. Гутайтиса-Гузявичуса, А. Венцлова и других. Об уроках Шолохова убедительно говорит Й. Авижюс: «Он открыл для литературы, для читателей огромный новый материал, выхватил из гущи народной жизни дотоле неизвестных героев и художественно исследовал новые жизненные конфликты, острота которых неизмеримо увеличивалась под напором бушевавшей в стране бури» [Мировое значение..., 1976, 118]. Филолог Н.Д. Котовчихина, исследуя трагические перепаутья в изображении авторов «Тихого Дона» и «Потерянного крова», резюмирует: «Авижюс в традициях Шолохова призывает требовать не только ответственности человека перед историей, но и творцов истории за судьбу каждого человека» [Котовчихина, 1990, 121]. *Проблемы выбора пути* и конкретно-аналитический стиль сближают оба произведения. Родоначальником направления об историческом пути литовского народа в сложном социальном противостоянии является А. Гудайтис-Гузявичюс в дилогии «Правда кузнеца Игнатоса» и «Братья». В них традиции национальной социально-психологической прозы обогащаются историзмом, рождая новый для литовской литературы *жанр эпопеи*, позволивший автору использовать богатый художественный опыт русского класси-

ка. Под воздействием «Судьбы человека» писатель Б. Сруога, рассказавший в «Лесе богов» (1957) о лично пережитом в фашистском концлагере, вводит в литовскую литературу трагическую тему плена. Столь непохожие ее литераторы проявляют стремление проанализировать сущность сдвигов в непростых современных общественных отношениях, в психологии и судьбах людей, желающих строить новую жизнь.

Эстонский прозаик А. Хинт начинает свой многотомный «Берег ветров» в распространенной тогда манере «панорамного романа», постепенно тяготеющего к эпосе, когда в нем начинают преобладать, напоминая шолоховские, широкие картины общественной жизни. Писатель берет на себя функции историка, обращаясь в третьей книге романа к исследованию крупным планом судьбы одного из своих героев. Главную задачу объёмного произведения он успешно решает благодаря разветвленному социально-психологическому анализу личности. В обстоятельном повествовании романа Р. Сирге «Земля и народ» обрисован только один год из жизни эстонского хутора, где в центре внимания – люди разного социального положения, ищущие себя в новой жизни. Произведения большого русского писателя являются *духовно-эстетической опорой* в творческих исканиях многих латышских, литовских и эстонских литераторов.

Действенный гуманизм Шолохова покоряет литературы Кавказа

Азербайджанская, армянская и грузинская литературы представляют восточные культуры и цивилизацию. Они имеют свои специфические черты восприятия и освоения творчества Шолохова, *обогащающие* содержание современного литературного процесса. Писатели Кавказа дают высокую оценку его произведениям, сопоставляя их с шедеврами русской и мировой классики и подчеркивая воздействие на национальную прозу. Академик М. Ариф фиксирует, что в создании первых азербайджанских социальных романов молодые писатели учились как у классической русской и западноевропейской литературы, так и у новых советских романистов, среди которых *ведущее место* при-

надлежит именно Шолохову [Самедова, 1978, 160]. Влияние его художественного опыта особенно ощутимо в принципах развертывания повествования, композиции и сюжетостроения романов «Подъемы» А. Абульгасана, «Шамо» и «Сачлы» С. Рагимова, «Апшерон» и «Схватка» М. Гусейна, «Буйная Кура» И. Шихлы, «Пройденные годы» А. Велиева. Обращение азербайджанских писателей к важнейшим историческим событиям разных эпох, изображение народа как решающей силы общественного развития приводит к расширению традиционных жанровых рамок. Их повествования вобрали в себя множество индивидуальных судеб, неповторимых образов, которые развиваются в многообразных жизненных связях, в острых социальных и личностных конфликтах [Асадуллаев, 1975, 25-31]. Практика художественного развития, правомерно утверждает филолог Ч. Гусейнов, демонстрирует обилие сложных типов, отражающих противоречия национальной действительности, в которых сочетаются социально-прогрессивные и консервативные черты. Передаётся эпоха перелома, когда нация мучительно выбирает путь, а драматизм наполняет, прежде всего, судьбы персонажей. «Эти романы в значительной степени восходят к традициям «Тихого Дона», характеры родственны Григорию Мелехову, осмысление их и по сей день носит остро политическую направленность. Выбор такого героя, отношение к нему, реализующееся в конфликте произведения, его ходе, общем пафосе, системе образов, свидетельствуют и о мере критического, трезвого взгляда художника на национальную действительность, его умения видеть диалектику развития нации» [Гусейнов, 1988, 126].

Писатели трех культур закрепили приоритет Шолохова в художественном исследовании национальной судьбы народа и человека на изломе эпох. Армянский писатель-публицист Г. Борян с признательностью отмечает: «Он вобрал в себя столь многое и *столь много значит* для нашей литературы и культуры. Будучи глубоко русским национальным художником, он одновременно принадлежит всем народам, ибо в высеченных из алмаза и пламени героях сконцентрировано *общечеловеческое и вечное*» [Борян, 1966, 68]. Поэт И. Исаакян обращает внимание соотечественников на *действенный гуманизм* автора «Тихого Дона»: «Всё, что создано этим удивительно цельным, ясным и мудрым писателем, пронизано огромной любовью к человеку» [цит. по: Арзу-

манян, 1964, 344]. Его творческий опыт воздействует разнообразными гранями на поиски художественных решений многих армянских писателей разных поколений – Д. Демирчяна, Н. Зарьяна, С. Айвазяна, О. Гукасяна, В. Хечумяна, Г. Матевосяна, М. Мнацаканяна и других. Шолоховский опыт проявляется как *новое слово* в изображении народа, движителя национального исторического процесса в *романах-эпопеях* «Ацаван» Н. Зарьяна, «Варданиды» Д. Демирчяна, «Царь Пап» С. Зорьяна. Творческий авторитет автора «Поднятой целины» даёт себя знать при обращении к теме *социального переустройства армянской деревни* в «Золотой долине» Х. Тапалзяна, «Земле» С. Ханзадяна, в «Тегеране» Г. Севунца. Исследование *проблем духовного бытия* современного человека, его нравственного облика, взаимоотношения личности и общества прослеживается в романах «Одинокая орешина» В. Петросяна, «Где ты был, человек божий?» З. Халафяна. Восприятие Шолохова создает панорамно-мозаичный портрет русского художника, получившего своеобразные «права гражданства» на кавказской земле.

Русский классик как явление в литературах Казахстана и Средней Азии

Казахская и среднеазиатские киргизская, таджикская, туркменская, узбекская литературы, базировавшиеся в досоветское время на преимущественном развитии устно-поэтических форм и жанров, интенсивно осваивают идейно-художественный опыт русской и советской классики, особенно творчества Шолохова-художника как *значительного явления* в духовной и социальной жизни региона. Знакомство с ним вновь оказывает мощное воздействие на созревание национальных литератур и художественно-эстетические искания многих писателей. Особенно талантливо данный фактор проявляется в произведениях «Путь Абая» М. Ауэзова, «Ботагоз» и «Сыр-Дарья» С. Муканова, «Караганда» Г. Мустафина, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Кровь и пот» А. Нурпеисова... В них демонстрируется развитие жанра *романа-эпопеи и социально-исторического романа*, где народ изображен в решающие, переломные моменты своей истории, а главные герои, выходцы из народной среды,

проходят сложный, во многом драматичный путь исканий. Художественные открытия певца тихого Дона и России содействуют развитию и созреванию казахской литературы, языка и литературной науки, обогащая национальную сокровищницу искусства слова и закрепив его приоритет в писательском исследовании судьбы народа и человека на изломе времени. Продолжает сложившиеся традиции и современный казахский писатель С. Досанов, награжденный Международной литературной премией имени М.А. Шолохова (2010) за роман «Черная дорога».

Киргизской литературе, одной из молодых в бывшем СССР, данное обстоятельство придает особый динамизм развития с мощным *рывком к мировому уровню* в лице Чингиза Айтматова. Художественный опыт Шолохова форсирует разносторонние творческие импульсы на создание лучших образцов современной киргизской прозы. Они проявляются в творчестве Ч. Айтматова («Буранный полустанок», «Плаха»), Т. Сыдыкбекова («Среди гор»), К. Баялинова («На берегах Иссык-Куля»), У. Абдукаимова («Битва»), Н. Байтемирова («Последний патрон»), Ш. Бейшеналиева («Стальное перо») и других. Шолоховская поэтика писателя традиционной русской школы убеждает и увлекает их чертами жизнедеятельной и жизнестроительной установки. При широкой панораме научных интересов многие филологи и публицисты республики посвящают свои работы его роли в развитии киргизского социально-психологического романа (А. Садыков, К. Бобулов, Ч. Джолдошева и др.). Вступление литературы в «полосу зрелого реалистического письма» (Ч. Айтматов) раскрывает диссертация А. Кудайбергеновой «Восприятие творчества М.А. Шолохова в Киргизии» (Фрунзе, 1989).

«Таджикский Шолохов», по мнению Я.А. Часовой, имел «немалое значение для дальнейшего роста литературы и обогащения языка» [Часова, 1957, 229]. Появление национального социально-исторического романа свидетельствует о серьезных возможностях молодой таджикской советской литературы. Преодолев за короткий срок немалые трудности, она добилась значительных успехов в лице большого художника-реалиста С. Айни и его молодых коллег Дж. Икрами, С. Улугзаде, Р. Джалила, Ф. Ниёзи, Х. Ирфона и других, по достоинству оценивших идейно-эстетический потенциал «Поднятой целины» и «Тихого Дона». Так, они повлияли на создание последней части романа «Рабы»

С. Айни о социальных переменах и рождении нового сознания в таджикских кишлаках. Дж. Икромии, выражая мнение многих современных прозаиков, с признательностью отмечал: «Животворное влияние Шолохова заключается в том, что, познакомившись с «Поднятой целиной», я не мог не захотеть создать *свою* «Поднятую целину», то есть «Шоди». Разница между ними огромна. И все же я считаю, что «Шоди» – успех для молодого писателя. Всю жизнь я буду благодарен Шолохову за то, что под его влиянием писал «Шоди», определившего мое место в таджикской литературе» [цит. по: Дрягин, 1966, 250]. Произошло становление нового таджикского социального романа, который отличается многоплановостью, масштабностью, композиционной целостностью, богатой образной системой, высокой культурой языка при весомой роли художественного опыта русского классика.

Знакомство с Шолоховым-романистом туркменской аудитории вновь становится явлением в социальной и культурной жизни республики и оказывает воздействие на художественные искания многих туркменских писателей. Совершенствуя писательское мастерство в своих произведениях, они на национальном материале осмысливают социальное переустройство сельской и городской жизни, труда рабочих-нефтяников и хлопкоробов, обретая качественный рост в создании национальных эпопей и социально-психологических романов. Писатели с всесоюзной известностью Б. Кербабаев («Решающий шаг», «Чудом рожденный»), Х. Дерьяев («Судьба», «Вьюга»), Б. Худайназаров («Люди псков»), К. Кулиев («Черный караван», «Посол эмира»), А. Атаджанов («Кремни»), Б. Сейтаков («Братья») решают проблему *трудного выбора правильного пути* в переломные моменты национальной истории для людей разных социальных слоев. Так, филолог Н. Каримов утверждает, что роман «Решающий шаг» Б. Кербабаева *многое объединяет* с «Тихим Доном» М. Шолохова и «Хождением по мукам» А. Толстого: многоплановость, глубина проникновения в психологию действующих лиц, достоверность воссоздания исторического фона. Но больше всего сближают и роднят их главные герои – Григорий Мелехов, Вадим Рощин и Артык Бабалы, люди разных, но схожих в чём-то одном судеб: в горниле революции и гражданской войны им пришлось делать свой *нравственный выбор*, определять свое место в перестраивающемся мире

[Каримов, 1981, 85]. В романе «Черный караван» К. Кулиев осуществляет свое постижение личности «мелеховского типа» – раздвоенной, раздираемой противоречиями, мучительно ищущей верную дорогу в условиях расколотого мира между истинно народным и псевдонародным началами [Гусейнов, 1988, 196].

Узбекская литература в лице Шолохова-художника органично воспринимает идейно-художественный опыт русской словесности. Писатель Ш. Рашидов авторитетно фиксирует: «Безусловно, велико влияние его творчества на всю нашу литературу, в том числе и на узбекских советских писателей» [Рашидов, 1975, 7]. Ю. Шамшаров дополняет коллегу, называя целую галерею узбекских прозаиков: Айбек, А. Каххар, Ш. Рашидов, А. Мухтар, С. Ахмад, Х. Гулям, И. Рахим, У. Умарбеков, Ш. Халмирзаев, У. Хашилов. Они испытали «магическое поле» притяжения большого русского Мастера [цит. по: Рашидов, 1975, 60]. А. Каххар, автор «Двух чинар» и «Огней Кошчинара», стоящий у истоков узбекского социального романа, отчетливо проявляет «эпическую традицию и традицию психологической манеры Шолохова» [цит. по: Дрягин, 1966, 219]. Х. Гулям, автор трилогии «Светоч», покорен произведениями Шолохова, потому что они для него – «думы о народной судьбе» [Гулям, 1965, 83]. Они подвигли на создание повестей «Ночи без сна» и «Письма на тот свет, Дедушке» Т. Каипбергенова, удостоенного звания лауреата Международной премии имени М.А. Шолохова (2004).

Заключение

Шолохов-художник *бесконечен и неисчерпаем* как объект не только научного, но и творческого влияния на собратьев по перу. Он убедительно реализует в романах, рассказах и публицистике свое прозорливое понимание жизненных проблем, пластов российской действительности и характеров, которые обнаруживают не только их национальную социально-историческую специфику, но и определенные *общие аспекты цивилизационной природы человеческой*, замеченные и по достоинству оцененные в национальных литературах СССР и всего мира. Тем самым русский гений открыл себе дорогу к самой широкой аудитории, утверждая всеобщность диалога культур и цивилизаций как основы взаимопонимания народов.

Библиография

1. Арзуманян А. Око Бюракана. М.: Айастан, 1964. 469 с.
2. Асадуллаев С. Великий реалист и гуманист // Уч. зап. Азерб. ун-та. Сер. яз. и лит-ры. 1975. № 3.
3. Борян Г. Великий сеятель // Шолохов. Сб. – М., 1966.
4. Гончар О. Наш Шолохов // Мировое значение творчества М. Шолохова. М.: Современник, 1976.
5. Гулям Х. Гордость советской литературы // Коммунист Узбекистана. 1965. № 5.
6. Гусейнов Ч. Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Советский писатель, 1988. 432 с.
7. Дрягин Е.П. Шолохов и советский роман. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1966. 279 с.
8. Звезда. 1965. 3 мая.
9. Каримов Н. Триединый герой... // Ашхабад. 1981. № 6.
10. Котовчихина Н.Д. Трагическое перепутье в изображении М.А. Шолохова и Й.К. Авижюса («Тихий Дон» и «Потерянный кров») // Творчество М.А. Шолохова и советская литература. Шолоховские чтения. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1990. С. 118-121.
11. Кубилюс В. «Тихий Дон» в Литве // Литва литературная. 1979. № 1.
12. Лупан А. Эпопея великой правды // Кодры. 1975. № 5.
13. Мележ И. Слово о Шолохове // Волга. 1975. № 5.
14. Мележ И. Собрание сочинений: в 10 т. Мн.: Мастац. літ., 1985. Т. 9.
15. Мировое значение творчества М. Шолохова. М., 1976.
16. Новиченко Л.Н. Избранные работы: в 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. 582 с.
17. Польша. 1975. № 5.
18. Рашидов Ш. Сила шолоховского слова // Слово о Шолохове. Писатели Узбекистана о мастере советской литературы. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1975.
19. Проблема характера в художественной литературе. Мн.: Педагогика, 1985. С. 76-84.

20. Самедова Л. Велика роль «Тихого Дона»... // Дон. 1978. № 2.
21. Соболенко В.Н. Роман-эпопея и современность // Знамя. 1975. № 5. С. 225-235.
22. Стопченко Н.И. Концепция монографии «М.А. Шолохов в Германии (1929-2010): диалог культур-цивилизаций» // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 102-121.
23. Упит А. Литературно-критические статьи. Рига: Латв.гос.изд., 1955. 396 с.
24. Шаховский С. Десять романов и их авторы. Киев, 1967.
25. Часова Я.А. Произведения М. Шолохова на таджикском языке // Вестник ЛГУ. Сер. истории языка и литературы. 1957. Вып. 2. № 8.
26. Черота И.А. Шолохов в Беларуси // Молодая гвардия. 1975. № 4.
27. Черота И.А. Шолохов и белорусская литература (К основным аспектам проблемы) // Черногорская академия наук и искусств. Сб. науч. трудов. Подгорица: Академия, 1996. Т. 8.
28. Grants J. Izcila vārda mākslinieks piecdesmit gadi // Literatūra un Māksla. 1965. 20. Maijā.
29. Kraulinš K. Mūsdienu padonju romāns. R., 1969.
30. Melnis V. Dzīvespatiesībasmeisters // Karogs. 1965. Nr. 5.
31. Melnis V. Literatūra un dzīves izpētē. R., 1969.
32. Melnis V. Mihails Šolohovs: «Plēsums» // Jaumās grāmatas. 1961. Nr. 11.

**M.A. Sholokhov in the artistic strivings
of Soviet writers: a view from the 21st century
(on the occasion of his 110th birth anniversary)**

Nikolai I. Stopchenko

Doctor of Culturology, professor,

Yu.A. Zhdanov Don Academy of Sciences for Young Researchers,
344006, 55 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article explores the influence of the works written by M. Sholokhov (especially "Virgin soil upturned" and "Quiet flows the Don") on the artistic strivings of Soviet writers. The author of the article points out that the writer's works are notable for their counterpoint, profound historicism, an increasing interest in the individual, strengthening of psychologism in the artistic method. All Soviet literatures appear as a single historical destiny and in spite of all their cultural and civilizational diversity they are bound together by the proximity of artistic experience, creative methods, and the Russian language as a means of interethnic communication. Bilingualism of national artists (especially Slavic ones) and Soviet people contributed to the authentic familiarization with the writer's works. Sholokhov's traditional prose, associated with the most productive phenomena of world literature, was perceived and is perceived within the scope of modern ideological and aesthetic problems and artistic strivings. This conclusion is confirmed by the creative practice of modern national writers of the former Soviet republics. According to the author of the article, Mikhail Sholokhov as an artist is infinite and inexhaustible. His works reveal not only their national socio-historical specificity, but also certain general aspects of man's civilizational nature.

For citation

Stopchenko N.I. (2015) M.A. Sholokhov v khudozhestvennykh iskaniyakh sovetskikh pisatelei: vzglyad iz XXI veka (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya russkogo klassika) [M.A. Sholokhov in the artistic strivings of Soviet writers: a view from the 21st century (on the occasion of his 110th birth anniversary)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 59-79.

Keywords

Artistic strivings, creative interaction, national studies on Sholokhov's works, formation of national epics, authentic familiarization with the writer, social novel, moral choice, Sholokhov's traditions.

References

1. Arzumanyan A. (1964) *Oko Byurakana* [The eye of Byurakan]. Moscow: Aia-stan Publ.

2. Asadullaev S. (1975) Velikii realist i gumanist [A great realist and humanist]. *Uch. zap. Azerb. un-ta. Ser. yaz. i lit-ry* [Proceedings of Azerbaijan University. Series "Language and literature"], 3, pp. 25-31.
3. Boryan G. (1966) Velikii seyatel' [A great sower]. In: *Sholokhov*. St. Petersburg – Moscow.
4. Chasova Ya.A. (1957) Proizvedeniya M. Sholokhova na tadzhikskom yazyke [Works by M. Sholokhov in the Tajik language]. *Vestnik LGU. Ser. istorii yazyka i literatury* [Bulletin of Leningrad State University. Series "History of language and literature"], 2 (8).
5. Cherota I.A. (1996) Sholokhov i belorusskaya literatura (K osnovnym aspektam problemy) [Sholokhov and Belarusian literature (On the main aspects of the problem)]. *Chernogorskaya akademiya nauk i iskusstv. Sb. nauch. trudov* [Montenegrin Academy of Sciences and Arts. Collected scientific works]. Vol. 8. Podgoritsa: Akademiya Publ.
6. Cherota I.A. (1975) Sholokhov v Belarusi [Sholokhov in Belarus]. *Molodaya gvardiya* [The young guard], 4.
7. Dryagin E.P. (1966) *Sholokhov i sovetskii roman* [Sholokhov and the Soviet novel]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovsk. un-ta.
8. Gonchar O. (1976) Nash Sholokhov [Our Sholokhov]. In: *Mirovoe znachenie tvorchestva M. Sholokhova* [The global importance of works by M. Sholokhov]. Moscow: Sovremennik Publ.
9. Grants J. (1965) Izcila vārda mākslinieks piecdesmit gadi. *Literatūra un Māksla*, 20th May.
10. Gulyam Kh. (1965) Gordost' sovetskoi literatury [An honour to Soviet literature]. *Kommunist Uzbekistana* [Uzbekistan's Communist], 5.
11. Guseinov Ch. (1988) *Etot zhivoi fenomen. Sovetskaya mnogonatsional'naya literatura vchera i segodnya* [This live phenomenon. The Soviet multinational literature of yesterday and today]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
12. Karimov N. (1981) Triedinyi geroi... [A triune hero...] *Ashkhabad*, 6.
13. Kotovchikhina N.D. (1990) Tragicheskoe pereput'e v izobrazhenii M.A. Sholokhova i I.K. Avizhyusa ("Tikhii Don" i "Poteryannyyi krov") [Tragic crossroads depicted by M.A. Sholokhov and J.K. Avyžius ("Quiet flows the Don" and "The lost

- home")]. In: *Tvorchestvo M.A. Sholokhova i sovetskaya literatura. Sholokhovskie chteniya* [The works by M.A. Sholokhov and Soviet literature. Sholokhov conference]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, pp. 118-121.
14. Kraulinš K. (1969) *Mūsdienu padomju romāns*. Riga: Liesma.
 15. Kubilyus V. (1979) "Tikhii Don" v Litve ["Quiet flows the Don" in Lithuania]. *Litva literaturnaya* [Literary Lithuania], 1.
 16. Lupan A. (1975) Epopeya velikoi pravdy [The epopee of the great truth]. *Kodryi* [Codrii], 5.
 17. Melezh I. (1975) Slovo o Sholokhove [The tale of Sholokhov]. *Volga* [The Volga], 5.
 18. Melezh I. (1985) *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vol.] Vol. 9. Minsk: Mastats. lit. Publ.
 19. Melnis V. (1965) Dzīves patiesības meisters. *Karogs*, 5.
 20. Melnis V. (1969) *Literatūra un dzīves izpētē*. Riga.
 21. Melnis V. (1961) Mihails Šolohovs: "Plēsums". *Jaunās grāmatas*, 11.
 22. *Mirovoe znachenie tvorchestva M. Sholokhova* [The global importance of the works written by M. Sholokhov] (1976). Moscow.
 23. Novichenko L.N. (1985) *Izbrannye raboty: v 2 t.* [Selected works: in 2 vol.] Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
 24. *Polymya* [Fire] (1975), 5.
 25. *Problema kharaktera v khudozhestvennoi literature* [The problem of character in fiction] (1985). Minsk: Pedagogika Publ., pp. 76-84.
 26. Rashidov Sh. (1975) Sila sholokhovskogo slova [Power of Sholokhov's words]. In: *Slovo o Sholokhove. Pisateli Uzbekistana o mastere sovetskoi literatury* [The tale of Sholokhov. Writers of Uzbekistan about the master of Soviet literature]. Tashkent: Izd-vo lit. i iskusstva.
 27. Samedova L. (1978) Velika rol' "Tikhogo Dona"... [Great is the role of "Quiet flows the Don"...] *Don* [The Don], 2.
 28. Shakhovskii S. (1967) *Desyat' romanov i ikh avtory* [Ten novels and their authors]. Kyiv.
 29. Sobolenko V.N. (1975) Roman-epopeya i sovremennost' [The epic novel and modernity]. *Znamya* [Banner], 5, pp. 225-235.

-
30. Stopchenko N.I. (2011) Kontsepsiya monografii "M.A. Sholokhov v Germanii (1929-2010): dialog kul'tur-tsivilizatsii" [The conception of the monograph "M.A. Sholokhov in Germany (1929-2010): the dialog among cultures-civilizations"]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 1, pp. 102-121.
 31. Upit A. (1955) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary articles]. Riga: Latv. gos. izd.
 32. *Zvyazda* [Star] (1965), 3rd May.